

КУЛЬТУРА

Независимая. — 2004. — 22 апр. — с. 6

Юлий Гусман: «Нас не съедят на глазах почтенной публики»

Почему Никита Михалков затаил обиду на «Нику» и чем это кончилось

Екатерина Барабаш

Завтра в 17-й раз будут вручать «Нику». Ей уже не нужны никакие эпитеты — «национальная», «кинематографическая». Все и так знают. Вот уже два года «Ника» работает в условиях жесткой конкуренции — образованная Никитой Михалковым еще одна кинопремия попыталась стать единственной легитимной. Но «Ника» выжила, хотя ее саму выжили из Дома кино вместе с уволенным с поста директора Дома кино Юлием Гусманом. Теперь церемонии вручения «Ники» проходят в Московском международном доме музыки. Накануне вручения обозреватель «НГ» встретился с основателем «Ники» Юлием Гусманом.

Юлий Соломонович, почему в вашем новеньком симпатичном кабинете нет такой важной детали, как компьютер?

— Никогда не работаю на компьютере. Боюсь увлечься играми или интернетом. Я по молодости даже, зная свою азартность, на всякий случай отказался учиться играть в преферанс — знал, что, если сяду играть, уже никогда не встану. Между прочим, Гриша Горин в последние два года как утром уходил в интернет, так только ночью возвращался.

— А как vez всеякие списки академиков, например, или финансовые документы, сметы и прочее?

— Зачем? У нас для этого есть бухгалтер. Я, даже когда был директором Дома кино, никаких смет в глаза не видел. Но финансисты знали: украдут — сядут. На всякие сомнительные предложения я всегда отвечал: «Для Атоса слишком много, а для графа де ля Фер слишком мало». Сейчас всеми организационными и финансовыми вопросами «Ники» ведают, слава

богу, Игорь Шабдурасулов и его первый зам Тимур Вайнштейн, а я только знаю, что, в этом году мы можем потратить, например, сто рублей. И все.

— А шикарная усадьба, где теперь сидит «Ника», — это ваше?

— Если бы. Арендуем несколько комнат. Купить бы рады, да дорого. А какой клуб здесь можно было бы сделать! Слава богу, что хоть это есть. Мы еще несколько лет назад, пока в Доме кино сидели, начали для «Ники» что-нибудь подыскивать.

— Пути к отступлению готовили?

— Да нет, какие пути! Мы же никакой подлости не ждали! «Ника» прожила со страной 19 лет — с того момента, как я об этом начал думать, и 17-й раз уже будем ее вручать. «Ника» организовано была скромным приложением общественной организации — ну как клуб пенсионеров какой-нибудь. Я создал ее приказом по Дому кино, Союз кинематографистов тогда не захотел с этим хлопотным делом связываться, хотя, по сути, мы и были одно целое. Мне сказали: хочешь — ищи деньги сам, создавай свою премию. Благодарю. И я пошел, окрыленный, но безденежный. Первые пять лет «Ника» держалась на честном слове, мы даже не могли себе позволить делать красивые приглашения, буклеты и прочую такую ерунду. И бесконечно нас теребили — то новый устав нужен, то в соответствии с каким-то новым постановлением нужно новое положение и прочее. Мы только и делали, что переписывали устав. А после очередной перерегистрации случился дефолт и спонсоры перестали давать деньги.

— Анонимные спонсоры, добавим. Ведь главной претензией Михалкова к «Нике» было то, что вы скрываете своих спонсоров, которые якобы не хотят светиться, а значит, «Ника» нелегитимна.

— Такая чушь! Даже обсуждать это всерьез не хочется. Какие

Юлий Гусман: наша «Ника» вошла в возраст любви.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

анонимные, почему анонимные? Они всегда печатались на наших буклетах, на наших приглашениях. Я, правда, скорее назвал бы их не спонсорами, а меценатами, они от нас ничего не требовали и не требуют взамен, не просят их громко и настойчиво рекламировать. С некоторых пор нам помогает Министерство культуры.

— Нет уж того министерства... — Значит, Федеральное агентство. Мы раньше у государства ни копейки не брали. Наши друзья-соперники — я имею в виду

«Золотой орел» — почему-то решили, что, если ты не запустил руку в бюджет, ты нелегитимен. Видя такое дело, мы тоже попросили у государства денег. Столько же, сколько им. И нам, естественно, пошли навстречу. **— В прошлом году все с интересом следили за отношением власти к двум национальным кинопремиям. Когда Путин прислал поздравительную телеграмму «Орлу», все ждали, пришлет ли теперь «Нике». Прислал, чем показало, что по крайней мере пе-**

ред властью вы равны. А в этом году?

— Я думаю, что и академия, и Эльдар Рязанов, который в трудную минуту подставил ей плечо, и весь наш кинематограф ни в коем случае не заслужили, чтобы «Нику» вот так взяли и уничтожили на глазах почтенной публики после 15 лет успешной деятельности. До последнего момента мы, как правило, не знаем, пришлет президент нам телеграмму или нет. Обычно это становится известно утром в день церемонии. Че-

го уж скрывать, внимание властей порой приятно. Когда мне в прошлом году исполнилось 60 и я получил послание от президента, так я был очень рад. И не потому, что я такой суетный и тщеславный, а потому, что таким образом понимаю, что во властных структурах знают о ситуации вокруг Дома кино и киноакадемий.

— Похоже на то, что теперь в течение долгого времени просто будут уживаться на одном пространстве две национальные премии. Вы с этим смирились?

— По крайней мере я перестал быть на грани потери веры в человечество. Когда мы оказались во всем виноваты, когда нас называли наперсточниками и требовали отдать «Нику», я искренне не понимал: что же это такое? Я ведь умудрился сохранить Дом кино, в то время как все остальные Дома уже давно в чьем-то ведении. А я бил себя кулаком в грудь и доказывал, что нельзя отдавать последний оплот кинематографистов. Хотя на меня здорово наседали: давай приватизируй — и все тут. Но прошло время, и теперь все те события я воспринимаю как маленький эпизодик в огромной борьбе за передел собственности. Если ты пытаешься в этом не участвовать, тебя считают либо жуликом, либо придурком. Как почему-то у нас принято считать, что проститутки — страдающие Сонечки Мармеладовы, а они на самом деле смеются над приличными женщинами, над нашими женами, которые готовят обед, стирают белье. А проститутки-то (я имею в виду дорогих проститутток) великолепно устроились — хорошие машины, прекрасные презервативы, джакузи, денег полно, а если она еще и сексом любит заниматься... И еще на вас смотрят, как на дурочку. Так же и на меня смотрели, когда я не хотел приватизировать Дом кино.

— Впечатление такое, что в последнее время ситуация как-то утряслась. По край-

ней мере со стороны «Ники» никаких выпадов против конкурентов не видно...

— Это правда, все настроены очень миролюбиво. Мы же не для того в свое время организовались, чтобы с кем-то воевать. Худой мир лучше доброй ссоры. Самое противное и ужасное во всей этой истории то, что эти люди одним махом разрушили то хрупкое сообщество, которое создали кинематографисты — по натуре своей страшные индивидуалисты и жители terra prima. Менялись режимы, президенты, а мы держались своим островком. И из-за каких-то жалких кусочков собственности все это было вмиг разрушено. При этом про кино, разумеется, забыли, и это ужасно. Мы до сих пор говорим про наше кино через губу, с презрением, а ведь когда-то давно мы для того и создавали «Нику», чтобы все-таки наше кино хоть как-то уважали, не пинали его кто ни попадя. Пока этого не произойдет, мы будем оставаться москками,

например. Даже на «Оскаре» не всегда есть такие явные фавориты, как «Титаник» или «Властелин колец». В этом году претендентов на «Нику» много, но ни одного явного фаворита, так что будет большой разброс. К тому же так устроены люди — они придумывают себе игру: давай-ка в этом году я не буду голосовать за Хрюкина, потому что в прошлом году он много получил, а проголосую я лучше за Пупкина, которому в прошлом году ничего не досталось. Мне недавно позвонил приятель, глава одного уважаемого музыкального сообщества, в возмущении: как это в номинацию «лучшая музыка к фильму» попал Шнур?! Безобразие, мол. Я говорю: «А если он «Нику» получит, нас вообще расстреляют?» Голосование есть голосование — никакие подтасовки невозможны. Нужно уважать мнение своих 580 коллег!

— Это можно проверить?

— Конечно. Если кто-то сделает официальный запрос, мы пока-

Мы до сих пор говорим о нашем кино через губу

лающими на проходящий поезд, радоваться, что сосед в дерьме, что американцам наподдали в Ираке.

— Скажите, пожалуйста, а почему наши, отечественные премии так не похожи на западные. Каждый год награды распределяются таким образом, что, простите, кое-кто может заподозрить в необъективности. Такое впечатление, что просто раздают всем сестрам по сергам.

— Ничего подобного, такое случается только тогда, когда нет явного фаворита. Но вспомните, как, наоборот, многие были недовольны, когда два года назад чуть ли не все призы забрал сокурский «Телец». Или еще раньше — «Покаяние» Абуладзе,

жем протоколы и таблицы счетной комиссии. Они хранятся в качестве документации строгой отчетности в течение года. Я потерял добрые отношения с Михалковым из-за того, что его «Урга» не выиграла в номинации «Лучший фильм», а Владимир Гостюхин не был назван «Лучшим актером». Как я ему ни клялся, что мы здесь ни при чем, что так проголосовала Академия, он так и не поверил, решил, что это козни врагов. А результатом стало то, что мы имеем.

— Кстати, в условиях конкуренции церемония «Ники» стала строже, красивее.

— Спасибо! Семнадцать лет все-таки. Возраст расцвета, возраст любви!